

УДК 94 (47)

Е.В. Годовова*

**«УЖ ТЫ, КОНЬ, МОЙ КОНЬ, ТЫ ТОВАРИЩ БОЕВОЙ»:
КОНЬ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ КАЗАКА
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)**

В статье с опорой на архивные материалы и источники личного происхождения дается характеристика казачьему коню, который вместе со своим хозяином приспособивался к экстремальным военно-полевым условиям жизни. Выбор коня был обусловлен климатическими условиями, в которых ему предстояло служить. Казачьи дети с двухлетнего возраста начинали ездить верхом и ко времени службы между всадником (хозяином) и конем существовало полное взаимопонимание. Автор приходит к выводу, что конь для казака был гораздо больше, чем просто домашнее животное или символ статуса. Он был подлинным товарищем, от которого зависели успех и сама жизнь казака.

Ключевые слова: казачество, повседневная жизнь, походно-военная повседневность, экстремальность, казачий конь, джигитовка.

Где бы ни служил казак, везде с ним был его конь, который воспринимался как боевой товарищ и рабочая сила. «Доброконным» называли казака, имеющего хорошего, крепкого, выносливого коня.

После Венгерской кампании 1849 года для всех казаков была установлена обязательная форма обмундирования, вооружение и конское снаряжение. От строевых лошадей стали требовать определенных качеств, и в связи с этим доморощенные лошади начали уступать место покупным. Неопределенность требуемых от строевой лошади качеств нередко порождала разные взгляды на это дело различных начальников. Часто лошадь, принятую станичным атаманом, браковал военный пристав или окружной атаман, что вызывало увеличение денежных трат казаков на снаряжение к службе [16, с. 18]. В пореформенный период цены на строевых коней значительно выросли. Это способствовало и ужесточению требований к их качеству, которые стали соотноситься с общеармейскими стандартами [10, с. 103]. С включением в 1875 г. казачьих полков в состав кавалерийских дивизий требования к казаку возросли, и, соответственно, увеличились расходы на обмундирование и снаряжение. Если до 70-х годов XIX в. стоимость нового обмундирования со строевой лошадью не превышала 72 руб., то в начале XX в. расходы колебались от 190 руб. в Забайкальском до 250–300 руб. в Донском войске [15, с. 141]. В тот же период цена строевой лошади колебалась в пределах 125–140 руб., а стоимость коня для конвойца доходила до 400 рублей [3]. После Русско-японской кампании все казаки, поступавшие на действи-

* © Годовова Е.В., 2015

Годовова Елена Викторовна (godovova@mail.ru), кафедра российской истории, Самарский государственный университет, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1; кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Академия при Президенте Российской Федерации (Оренбургский филиал), 460000, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Курача, 26.

тельную службу, получали от государства денежную помощь: кавалеристы по 100 рублей, а пластуны по 50 – на покупку коня, в то время как строевой конь стоил около 300 рублей [8, с. 47–48].

Выбор коня был обусловлен климатическими условиями, в которых ему предстояло служить. Для службы в Средней Азии предпочтение отдавалось выносливым киргизским лошадям, имевшим преимущество «против лошадей, воспитанных в крестьянских селениях, тем именно, что киргизская лошадь, с рождения до обыкновенной старости, находится на тебеневке, терпеливо сносит всякую суровость погоды в зимнее время и потому крепка и вынослива» [19, с. 208].

С гордостью и одновременно ласково пишет оренбургский казак Николай Агапов о своем коне: «Моя Савраска как стрела из лука пустилась и оставила своего спутника Чалбаша и всадника Андрея Афанасьевича Иванова. И возвратясь, примчался к нему и на свое место» [6, л. 12]. Столь теплое отношение к коню было не случайно. Конь – подарок отца перед командировкой Николая в степь – воспринимался им как благословение родителей, всегда напоминал ему о родном доме.

Т.К. Ящик вспоминает: «Казак, поступающие на службу в лейб-гвардию, часто приводили с собой своего коня; это были прекрасные животные, быстрые и умные. Если кто-нибудь из нас приходил в конюшню, достаточно только прошептать кличку коня, и он сразу прислушивался и поднимал голову, радуясь встрече» [20, с. 43]. А. Квитка пишет, что лошади у казаков были в хорошем теле [9, с. 59].

Главным достоинством степных лошадей была их неприхотливость, выносливость, способность преодолевать в труднодоступной местности большие расстояния. Степной конь привык отыскивать под снегом свой нехитрый корм, он стойко переносил холод, жажду и самые суровые климатические условия [21, с. 62–63].

Во время боевых действий казаки многократно преодолевали препятствия, двигаясь по пересеченной местности. Сочетание пешего и конного боя заставляло их часто спешиваться и снова садиться в седло. Иногда во время перестрелки кони служили для казаков живым щитом. Засады, обходы, рейды в тыл противника заставляли казачью кавалерию быть скрытной и терпеливой. Все это требовало особой выучки коня. Он должен был быть не только быстрым, но и послушным, умеющим выполнять команды хозяина в любых ситуациях. Генерал Богоут, размышляя о военных достоинствах казаков, отмечал: «Да, это самая лучшая кавалерия! Только казака дня 2–3 нужно в голоде держать, не кормить, он тогда еще злее становится! А попробуй лошадь драгуна оставить без фуража, она никуда не будет годна» [11, с. 46]!

Эффективная выучка коня была бы невозможна без особой товарищеской близости, которая вырабатывалась и крепла в течение всей жизни коня и всадника. К пяти-семи годам казачья детвора ездил на коне увереннее, чем ходила. Смело скакали казачата по улицам станицы, участвовали в скачках [14, с. 22]. Как пишет Н.И. Бондарь, «дети привыкали к лошади с самых ранних лет. Это могла быть посильная работа по уходу за нею... Причем некоторые виды работы, скорее, воспринимались как забава, приятное времяпрепровождение, чем обременительная повинность: выпас, купание, перегон лошадей. Нередко мальчику дарили жеребенка. С двух лет его уже начинали обучать верховой езде. Ко времени службы между всадником (хозяином) и конем существовало полное взаимопонимание» [2, с. 50].

Лошадям, а в Среднеазиатских походах еще и верблюдам выживать в суровых военных условиях было труднее, чем людям. «Трудно было следовать к адаевцам, потому что *оне* во время бега за собою выжигали степь, дабы русским не было корму для лошадей и верблюдов, а также и колодцы с водой заскверняли всякой нечистотой, бросали в них собак и падаль дохлого скота, дабы не было водопоя для отрядов. Много побросали усталых лошадей и верблюдов от неимения корма и водопоя» [6,

л. 173 об. — 174], — пишет оренбургский казак Н.В. Агапов. «Не возможно в точности определить цифру убыли верблюдов, — отмечает В.П. Тихменев, — но на мой глаз из десяти тысяч пропало семь (часть верблюдов из этого числа, брошенная в степи)» [12].

Тяжело переносили лошади жару. Они покрывались пеной, струи пота сбегали на их копыта, шаг становился медленнее, и некоторые всадники слезали с них, видя их изнурение [1, с. 93].

Во время походов по кокандским кишлакам от голода лошадям нередко приходилось вместо корма жевать друг другу хвосты и гривы.

«Конь трудом нажит казаком, конь первый его товарищ», — пишет В. Бахтуров. И казаки, заботясь о своих лошадях, проявляли хозяйственную хватку — строили им навесы в лесных окраинах, выбирая ветвистые еловые ветки, стенки навесов делали из болотного дерна, навоза и еловых веток [4, л. 15].

Отсутствие фуража и нормальных условий стоянки привели к истощению конского состава полков. «Довольствие лошадей фуражом в большинстве случаев было затруднительно, так как поход совершался как раз в то время, когда прошлогодние запасы истощились, а новые посевы стояли еще на корню. За недостатком овса и ячменя приходилось прибегать к суррогатам: чумизе, гаолян и гороху, но, несмотря на это, на доброй половине стоянок приходилось недоедать. Сена не было совершенно; заменявшей его чумизной соломы также было мало. Приходилось кормить лошадей травой, а когда подросли посевы, то косили их; последнее средство применялось как крайнее, так как зеленый корм при усиленной работе нельзя считать желательным» [13, с. 14], — отмечает казак Забайкальского войска. Бывало, что лошади не ели целыми днями: «Так, двигаясь вперед с непрерывным боем, к концу дня отряд дошел до деревни Эйюр на измученных лошадях, сделавших тридцать верст, утомленных боем, движением по гористой и болотистой местности, не имевших за день ничего во рту; то же должно сказать и про казаков» [13, с. 14].

Лошади голодали со вчерашнего дня, было жаль на них смотреть. Только сегодня утром было подвезено несколько возов старого полусгнившего гаоляна (зерновая культура в Китае. — *Е. Г.*) [9, с. 38].

Во время Первой мировой войны казаки спасали своих верных друзей от падежа. «Измельчали еловые и сосновые ветки, заботились днем и ночью, дежурили, часто закладывали в ясли малокалорийный корм» [4, л. 22]. В Белорусских болотах казаки, спасая своих любимцев, строили им навесы: крышу делали из еловых веток, а стены из еловых веток, болотного дерна и навоза.

Нередко в самых опасных ситуациях казаки спасали своих коней, рискуя жизнью. Во время обороны Баязета отряд отступавших казаков вынужден был бросить лошадей. Но казак станицы Кавказской Севостьянов не захотел расставаться со своим конем. «Полагаясь на милость Божию, я побежал к коню; отбатовал (батовать — ставить в поле верховых коней связывая взаимно (по В.И. Далю)) его, градом пуль обдало меня, черкеска прострелена во многих местах, но ни одна пуля не коснулась тела. Я припал к земле, передохнул, и опять бросился к коню, вскочил на него и снова к воротам. Опять пули, конь ранен, я упал с ним. Товарищи бросились ко мне, полагая, что я убит, и пособили мне благополучно ввести коня в ворота» [5, л. 181].

Конь для казака был гораздо больше, чем просто домашнее животное или символ статуса. Он был подлинным товарищем, от которого зависели успех и сама жизнь казака. Иностранцы офицеры-кавалеристы говорили: «Посмотришь на казака — ничего особенного он собой не представляет, человек как человек, самый обыкновенный. Посмотришь на его лошадь — тоже ничего особенного, самая обыкновенная лошадь. Но вместе эти два!.. О, ну их к дьяволу, лучше им не попадаться» [7, с. 3]!

Единение казака и его питомца особенно проявлялось в скачках и на джигитовке. В повести Л.Н. Толстого «Казачьи» мы читаем «...Лукашка сел на коня и, ...выехал джигитую на улицу...» [17, с. 105].

Согласно уставу строевой казачьей службы цель джигитовки состоит в развитии у каждого казака смелости и ловкости. Джигитовка разделялась, во-первых, на обязательную для всех казаков, исполняемую с оружием и походным вьюком, и, во-вторых, на вольную, которая могла быть без оружия и вьюка. К обязательной джигитовке относились: стрельба с коня и рубка чучел, поднимание предметов с земли, подъем на коня пешего товарища, увоз раненого одним или двумя всадниками, соскакивание и вскакивание на коня на карьере. К упражнениям вольной джигитовки относились: джигитовка с пикой, умение положить коня на карьере, скачка о двух коней и три-коня, пересадкою с одной лошади на другую, скачка группами, скачка стоя, скачка вниз головою, переворачивание на карьере лицом назад и скачка, сидя задом наперед, расседывание коня на скаку [18, с. 100–108].

Оренбургский казак Петр Рохмистров отмечает, что при джигитовке от казака требовалось особое мастерство, когда выполняли темпы: на полном скаку, надев поводья на седло и держась руками за переднюю луку, надо было быстро соскочить на землю. От толчка всадника подкидывало вверх и, не садясь в седло, надо было перекинуться по другую сторону от коня. Потом эти движения повторяются [14, с. 24]. Он же вспоминает жуткий случай, произошедший на его глазах при выполнении приемов джигитовки. На полном скаку, вместо того чтобы перепрыгнуть через канаву, конь резко остановился, и наездник по инерции вылетел из седла, перелетел через коня и головой воткнулся в насыпь. Голова целиком вошла в тело [14, с. 24].

Походная жизнь казаков в периоды мирных передышек протекала в однообразной череде будничных событий. Иногда это спокойствие нарушали приезды командующих полками. По таким случаям проводились торжественные парады и смотры.

Так, на Дальнем Востоке 17 марта 1902 года по случаю полкового праздника на обширном поле, прилегающем к древним Императорским могилам, были организованы скачки. Перед холмом, на котором стояла беседка, украшенная гирляндами и флагами, предназначенная для начальства и приглашенных, справа и слева располагался конный строй. После окончания в 11 часов утра молебна и церемониального марша начались скачки офицеров и нижних чинов. Около сотни всадников выдвинулись от строя и поскакали с вольной джигитовкой мимо трибуны. Здесь можно было увидеть все существующие джигитские приемы. Состязания продолжались в течение трех часов под несмолкаемые аплодисменты зрителей. Победители были награждены призами. Примечательно, что в скачках принимали участие не только казаки, но и китайцы [13, с. 134].

Под песни и танцы коротали казаки относительно спокойные походные дни. Во время Первой мировой войны вместе служили 1-й Таманский и 1-й Кавказский казачьи полки, которые как будто соревновались в своем мастерстве. Таманцы были более музыкальны и артистичны: «После вечерней зари, когда запели песни казаки-таманцы и батарейцы, проявилась их врожденная музыкальность, — отмечает Ф.И. Елисеев. — Зато в лезгинке кавказцы были вне конкуренции. Лезгинка черноморским казакам просто не давалась. Этот танец надо любить и понимать психологически, чего у них не было» [8, с. 19].

Различие таманцев и кавказцев ярко проявилось на войсковом празднике 5 октября, описание которого приводит в своих брошюрах-тетрадах Ф.И. Елисеев: «Главным полком проходили таманцы. В хороших, новых темно-серых черкесках разного оттенка и в черных высоких папахах. Вид отличный. За ними проходят кавказцы. Все сотни в абсолютно одинаковых светло-серых черкесках, в небольших, одинакового

размера светло-серых папахах и с красными башлыками (особый вид капюшона. — Е. Г.) за плечами. Картина была, безусловно, выигрышная. Казаков угостили улучшенным обедом с вином. Господа офицеры бригады, числом до 80 человек, справляли праздник за общим столом, заняв места по старшинству чинов. Много тостов — коротких, патриотических. Много выпито. В разгар веселья кто-то выбросил громко предложение — сделать особую джигитовку. Наш командир полка кивнул в мою сторону... и через пять минут человек 30 джигитов-кавказцев в черкесках и красных башлыках немедленно же появились на плацу и открыли джигитовку. Мы, пять хорунжих, выступили первыми перед своими казаками. Появились и таманцы, но ни одного не было в черкеске. Картина и сама джигитовка кавказцев оказалась несравнимо лучше, чем могли тогда показать таманцы» [8, с. 19–20].

Итак, конь занимал особое место в повседневной жизни казака. Он был для него помощником и другом. Желание иметь боевого коня свидетельствовало о приверженности воинским идеалам, которые традиционно первенствовали в казачьей ментальности.

Библиографический список

1. Алиханов-Аварский М. Поход в Хиву (кавказских отрядов). Степь и оазис. СПб., 1899.
2. Бондарь Н.И. Воины и хлеборобы // Вопросы казачьей истории и культуры. Майкоп, 2002.
3. Васильев И.Ю. Боевой конь в системе ценностей кубанских казаков // Научно-творческое наследие Ф.А. Щербины и современность: материалы конференции. Краснодар, 2005.
4. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф.Р-1474. Оп. 1. Д. 8.
5. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 670. Оп. 1. Д. 5.
6. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 169. Оп. 1. Д. 11.
7. Джигитовка казаков по Белу Свету / Составление, научная редакция, предисловие, приложения и комментарии, подбор иллюстраций П.Н. Стрелянова (Калабухова). М.: ЗАО Центрполиграф, 2006.
8. Елисеев Ф.И. Казаки на Кавказском фронте. 1914–1917: Записки полковника Кубанского казачьего войска в тринадцати брошюрах-тетрадах. М.: Воениздат, 2001.
9. Квитка А.В. Дневник Забайкальского казачьего офицера. Русско-японская война 1904–1905 гг. СПб., 1908.
10. Малукало А. Н. Кубанское казачье войско в 1860–1914 гг. Краснодар, 2003.
11. Мемуары и воспоминания Генерала-от-Кавалерии Стефана Александровича Венеровского. СПб.: Типография В.Д. Смирнова, 1908.
12. Отдел рукописей РНБ. Ф. 550 (ОСРК) Р. IV. 829.
13. Первый Нерчинский полк Забайкальского казачьего войска. 1898–1906 гг. Исторический очерк / сост. А.Е. Маковкин. СПб., 1907. С. 14.
14. Рохмистров Е.П. Казаки — воины, пахари. Челябинск: Издательство Татьяны Лурье, 2008.
15. Рукосуев Е.Ю. Казачество: права и обязанности сословия // Вопросы истории. 1998. № 5.
16. Служба донского войска в связи с его экономическим положением. Составил генерального штаба капитан Медведев. Москва: Типография окружного штаба, 1899.
17. Толстой Л.Н. Казаки. Кавказская повесть. М., 1952.
18. Устав строевой казачьей службы. СПб., 1899.
19. Филиппова И.А., Годовова Е.В. «Мало ночи спал, хищны шайки все искал...»: походная жизнь оренбургского казачества по рукописи наивного автора // Известия Уральского федерального университета. Гуманитарные науки. Сер. 2. 2014. № 1 (124).
20. Ящик Т.К. Рядом с императрицей. Воспоминания лейб-казака. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского института истории РАН «Нестор-История», 2004.
21. Ausky Stanislav A. Kozác / пер. И. Беличевой. Praha: Academia, 1999.

References

1. Alikhanov-Avarky M. Campaign to Khiva (Caucasian detachment). Step and oasis. SPb., 1899 [in Russian].
2. Bondar' N.I. Military people and grain farmers in *Issues of Cossack history and culture*. Maikop, 2002 [in Russian].
3. Vasil'ev I.Ju. War horse in the system of values of Kuban Cossacks. *Nauchno-tvorcheskoe nasledie F.A. Shcherbiny i sovremennost': materialy konferentsii* [Scientific and artistic legacy of F.A. Shcherbina and modernity: proceedings of the conference]. Krasnodar, 2005 [in Russian].
4. State Archive of the Volgograd Region (GAVO). F.R-1474. Op. 1. D. 8. [in Russian].
5. State Archive of the Krasnodar Region (GAKK). F. 670. Op. 1. D. 5 [in Russian].
6. State Archive of the Orenburg Region (GAOO). F. 169. Op. 1. D. 11. [in Russian].
7. Fancy riding of Cossacks along the world. Composition, scientific redaction, foreword, appendices and commentaries, selection of figures by P.N. Streljanova (Kalabukhova). M., ZAO Tsentrpoligraf, 2006 [in Russian].
8. Eliseev F.I. Cossacks on the Caucasian front. 1914–1917: Notes of the colonel of Kuban Cossack Army in thirteen booklets-parts. M., Voenizdat, 2001 [in Russian].
9. Kvitka A.V. Diary of a Transbaical Cossack military officer. Russo-Japanese war of 1904–1905. Illustrations and photo are authors. SPb., 1908 [in Russian].
10. Malukalo A.N. Kuban Cossack Army in 1860–1914. Krasnodar, 2003 [in Russian].
11. Memoirs and memorials of the General of the Cavalry Stefan Alexandrovich Venerovsky. SPb., tipografiia V.D. Smirnova. Ekaterininskii kanal, dom № 45, 1908.
12. Department of manuscripts of the National Library of Russia. F. 550 (OSRK) R. IV. 829 [in Russian].
13. First Nerchinsk regiment of Transbaical Cossack Army. 1898–1906. Historical sketch. Compiler A.E. Makovkin. SPb., 1907, p. 14 [in Russian].
14. Rokhmistrov E.P. The Cozaks – soldiers, plowmen. Chelyabinsk, Izdatel'stvo Tat'iany Lur'e, 2008 [in Russian].
15. Rukosuev E.Ju. Cossacs: rights and duties of a social class. *Voprosy istorii* [Issues of history], 1998, no. 5 [in Russian].
16. Service of the Don troops in relation with its economic situation. Compiled by the General Staff captain Medvedev. Moscow, Tipografiia okruzhnogo shtaba, 1899 [in Russian].
17. Tolstoi L.N. The Cozaks. Caucasian story. M., 1952 [in Russian].
18. Charter of a fighting Cossack service. SPb., 1899 [in Russian].
19. Filippova I.A., Godovova E.V. «Little slept in the night, predatory gangs all i was looking for...» («Malo nochii spal, khishchny shaiki vse iskal...»): marching life of Orenburg Cossacks according to the manuscript of a narve author. *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Serii 2. Gumanitarnye nauki* [Proceedings of Ural Federal University. Series 2. Humanitarian Sciences], 2014, no. 1 (124) [in Russian].
20. Jashchik T.K. Next to the empress. Memoirs of Leib–Cossack. SPb., Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo instituta istorii RAN «Nestor-Istoriia», 2004 [in Russian].
21. Ausky Stanislav A. Kozáci. Praha, Academia, 1999 (translation from Czech by I. Belicheva) [in Russian].

E.V. Godovova*

**«YOU ARE MY HORSE, A HORSE, YOU ARE MY COMRADE – IN-
ARMS»: HORSE IN COSSACKS' DAILY LIFE (SECOND HALF
OF THE XIX CENTURY – BEGINNING OF THE XX CENTURY)**

Relying on archival materials and sources of personal origin, the characteristics of Cossack's horse, which, along with his master has been adjusting to extreme field conditions of life, is presented in the article. The choice of was conditioned by climatic conditions where he was expected to serve. Cossack children from the age of two began to ride and by the time the service began between rider and the horse existed a mutual understanding. The author concludes that the horse for a Cossack was much more than just a domestic animal or a symbol of status. It was true comrade from whom the success and life of a Cossack depended on.

Key words: Cossacks, daily life, marching and military everyday life, extremality, Cossack horse, fancy riding.

Статья поступила в редакцию 01/VII/2015.
The article received 01/VII/2015.

---

* *Godovova Elena Viktorovna* (godovova@mail.ru), Department of Russian History, Samara State University, 1, Acad. Pavlov Street, Samara, 443011, Russian Federation; Department of Humanitarian and Social and Economic Disciplines, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Orenburg branch), 26, Kuracha Street, Orenburg, 460000, Russian Federation.